

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹

Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net

Д. Вальчак²

Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ОТВЛЕЧЕННАЯ СИЛА: МОТИВ АНТИХРИСТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая статья посвящена исследованию исторической эволюции архетипа антихриста в русской культуре. В хронологическом порядке рассматриваются все те произведения литературы и искусства, в которых появляется данный архетип, а также восстанавливается последовательная динамика его развития с эпохи средневековья вплоть до октябрьской революции. Исследование носит междисциплинарный характер (история, религиоведение, литературоведение, искусствоведение, культурология), так как авторы считают, что при рассмотрении вопросов, связанных с архетипами и их эволюцией любое деление на дисциплины является искусственным и только мешает увидеть явление во всей его полноте. Среди анализируемых произведений находятся «История князя московского» А. М. Курбского, «Бесы» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, мистическая диалогия («Волхвы» и «Великий розенкрейцер») Вс. С. Соловьева, «Краткая повесть об антихристе» Вл. С. Соловьева,

---

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина.

² Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша.

трилогия «Христос и антихрист» Д. С. Мережковского и «Отчий дом» Е. Н. Чирикова, а также многочисленные миниатюры и иконы.

Можно констатировать, что так как тема антихриста напрямую связана с эсхатологическими течениями, то есть с размышлениями о конце света и финальном окончании истории человечества, особый рост интереса к данной тематике обычно наблюдается в переломные моменты истории, в периоды революции и крупных исторических сдвигов, когда происходит крушение устоявшихся политических, социальных, экономических устоев и идеологических установок. Такими моментами и изобилует русская история, в которой такие мотивы, приобретя архетипический статус, получили особенную актуальность во времена Ивана Грозного, в период петровских реформ, во время отечественной войны 1812 года и с связи с октябрьской революцией.

Ключевые слова: антихрист, архетип, эсхатология, Иван Грозный, Наполеон, Ф. М. Достоевский, Вл. С. Соловьев, Д. С. Мережковский

Дефиниция архетипа (первообраза) была введена в научный оборот одним из создателей психоанализа, Карлом-Густавом Юнгом, а её возникновение в самом начале было напрямую связано с разработкой проблем глубинной психологии. Однако впоследствии данное понятие начинает употребляться в других гуманитарных науках, в частности в эстетике, литературоведении, религиоведении и в искусствоведении. В настоящее время его используют для обозначения наиболее общих мотивов, извечных схем и представлений, «лежащих в основе любых художественных структур, но уже без обязательной связи с юнгианством как таковым [4, 110].

У этого известного швейцарского философа и психолога «архетип» рассматривается как чисто формальное понятие, как некий «скелет» (иными словами, первооснова), который затем облекается в плоть с помощью образной системы, идей, мотивов и так далее. Его содержание изменчиво, подвержено влияниям окружающей среды и историческим переменам. Юнг говорит об архетипе как о так называемой «системе готовности к действию», т. е. можно сказать, что архетип определяет суть формообразующего процесса и его направление с кажущимся предвидением, будто бы если цель была известна заранее.

Архетипы по Юнгу – это существующие у различных народов (во многих случаях весьма схожие между собой) некие общие формы

мысленных представлений об отце, матери, вожде, мифологических персонажах сказаний и преданий, олицетворяющих различные стихии и силы добра и зла. Архетипы являются основой поведения, формирования личности, описания мира, взаимодействия и взаимопонимания людей. Архетип проявляется во внутреннем и внешнем поведении человека не напрямую, а через определенную модальность, то есть через качество происходящих внутри и вне человека процессов.

В связи с проблемой архетипов внимание литературоведов обращено к феноменам «большого исторического времени» (М. М. Бахтин), к которым автор причастен (сознательно или интуитивно). Здесь и литературные традиции как предмет следования или, наоборот, отталкивания. Учитывается и внехудожественный (исторический, социально-политический и т. д.) опыт прошлых поколений, по отношению которым писатель занимает определенную позицию, а также соотношенность его миропонимания с конфессиональными (с учетом общего вероучительного базиса испецифики различных направлений христианства), национальными, сословными, социально-классовыми, корпоративно-групповыми представлениями.

Мы исследуем, как архетип антихриста проявлял себя в русских литературных произведениях, начиная от времени зарождения христианства на Руси и заканчивая временем, в котором живем мы. В нашу задачу входит определить, соответствует или нет каждый герой данному архетипу, или же ему присущ какой-либо другой археобраз.

С архетипами связаны не сами образы различных видов искусства, а базовые схемы и возможности их формирования. Содержательную характеристику архетип получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и наполняется культурным опытом художника.

Именно таким значимым для европейской, и в частности, для русской, культуры, архетипом и является архетип антихриста. В христианской эсхатологии антихрист – противник Иисуса Христа, выдающий себя за Мессию, но в отличие от Него имевший злую сущность.

Согласно христианским источникам, пришествие антихристово будет предшествовать концу света и Страшному Суду, когда сам антихрист погибнет в единоборстве с Христом и наступит Царствие Небесное. Так как библейские упоминания об антихристе являются довольно скудными, об этом антигерое человечества в течение многих веков размышляли богословы, проповедники и люди

культуры. Хотя их мнения довольно часто расходились, среди них можно найти и общие установки. Во-первых, большинство авторов утверждало, что антихрист – не аллегория, персонификация «зла вообще», а вполне реальный человек, имя которого закрыто от обычных смертных. Согласно общему мнению толкователей, для антихриста типично стремление к самообоготворению, превознесению себя выше Бога в противоположность самоумалению Иисуса Христа, а свою псевдобожественную силу он будет навязывать людям с помощью магии и ложных чудес. В Откровении св. Иоанна Богослова говорится также о появлении «мелких антихристов», которые будут предшествовать этому главному.

Сюжетная, архетипическая «матрица» данного архетипа традиционно включает в себе следующие моменты: 1) рождение во блуде; 2) гордыня; 3) самообожествление; 4) стремление вытеснить Христа, борьба с Его религией; 5) стремление покорить себе многих; 6) неоднократные убийства; 7) смерть без покаяния. Но ведущим из них являются, прежде всего, активное противопоставление себя Христу, противодействие Ему и самообожествление (см.: [9, 15–17]; [20]).

Так как тема антихриста напрямую связана с эсхатологическими течениями, то есть с размышлениями о конце света и финальном окончании истории человечества, особый рост интереса к данной тематике обычно наблюдается в переломные моменты истории, в периоды революции и крупных исторических сдвигов, когда происходит крушение устоявшихся политических, социальных, экономических устоев [8] и идеологических установок. Такими моментами и изобилует русская история. В русской культуре особенную актуальность такие мотивы, обретшие архетипический статус, получили во времена Ивана Грозного, в период петровских реформ, во время отечественной войны 1812 года. В литературе и искусстве XIX – начала XX века их значение усилилось в связи с девальвацией христианских ценностей в обществе и нарастающим смутным предчувствием надвигающейся революции, а в течение XX столетия – в связи с катастрофой октябрьской революции, сталинскими репрессиями, трагедией Великой Отечественной войны. Специально отметим, что этот литературный архетип не является чем-то абстрактно-аморфным и сохраняет существенную связь со своим первообразом.

Целью настоящей статьи является проследить на конкретных примерах эволюцию архетипа антихриста в русской культуре. Авторами в хронологическом порядке рассматриваются те произведения литературы и искусства, в которых появляется данный

архетип, а также восстанавливается динамика его развития. Полученные в ходе анализа результаты соотносятся с политическими, социальными и экономическими факторами и включаются в широкий идейно-религиозный контекст.

Наше исследование носит междисциплинарный характер (история, религиоведение, теология, эстетика, литературоведение, искусствоведение, культурология), так мы считаем, что при рассмотрении вопросов, связанных с архетипами и их эволюцией любое деление на дисциплины является искусственным и только мешает увидеть явление во всей его полноте.

Авторы статьи последовательно придерживаются написания «антихрист» со строчной буквы, так как это было принято ещё в предреволюционной русской орфографии. Этот подход кажется тем более правильным, что «антихрист» – не имя собственное (как было выше сказано, имя антихриста закрыто от смертных), а лишь характеристика («анти-Христ» – противник Христа). Кроме этого, согласно христианской традиции, «антихрист» как существо inferнальное и должен писаться со строчной буквы. Стоит, однако, заметить, что в последнее время в написании названия «антихрист» царит полный хаос и сосуществуют два варианта написания – со строчной или с заглавной буквы. В некоторых случаях авторы будут обращать внимание на написание слова «антихрист» тем или иным писателем.

Необходимо упомянуть о том, что русская культура вообще крайне эсхатологична по своему характеру, ей присуще устремление мысли в будущее и ожидание скорого конца мира и конца истории, так что абсолютно нет ничего удивительного в том, что интересующий нас мотив антихриста – финального антигероя истории – получает в ней такое необыкновенно мощное, стремительное развитие. Не всегда фигура антихриста получала в русской культуре отвлеченно-символическое значение – часто «сын погибели» усматривался в конкретных исторических персонажах, чаще всего правителях. Это обусловлено драматическими событиями из русской истории. Скорее всего, первые воплощения архетипа антихриста в русской культуре нужно отнести к периоду татаро-монгольского ига и беспрестанных набегов кочевников, но сильнейший толчок к развитию архетипического образа был дан позже, в правление Ивана Грозного и связан как с самой личностью царя, так и с общими настроениями этой беспокойной, кровавой эпохи. Так было в XVI, XVII и XVIII веках, так остается до сих пор – если есть противник (политический, или церковный), нужно его скомпрометировать, всегда можно выставить его как антихриста. Правда, это довольно примитивно

и свидетельствует об отсутствии каких-либо логичных аргументов. Это типичный использование типичного *argumentum ad personam*, но это очень хорошо сочетается с нашей темой и показывает силу некоей традиции. Той традиции, которую мы исследуем в данной статье.

***

Между тем первое появление архетипа антихриста мы встречаем в «Повести временных лет» (автором которой традиционно считают преподобного Нестора), своего рода архетипическом тексте для всей последующей русской литературы. Данный архетип мы находим в описании подвига первых русских канонизированных святых. Жизнеописание Бориса и Глеба представлено и в других памятниках древнерусской словесности, например, в «Сказании» Иакова Черноризца [25] и «Чтении» Нестора Летописца. Историк С. М. Соловьёв полагал, что нарратив о мученичестве Бориса и Глеба был вставлен в «Повесть временных лет» позже, иначе «летописец не стал бы снова повторять о начале княжения Святополка в Киеве» [24, 104].

Образ Святополка Окаянного – это первый опыт русской словесности в претворении в слове рассматриваемого архетипа. Данный князь, сын или пасынок князя Владимира, рождается от неизвестной «гречанки», которая была в прошлом женой Ярополка, Святополк не просто злодейски убивает своих кузенов (Бориса, Глеба), причисленных потом к лику страстотерпцев, но и на некоторое время узурпирует власть в Киеве. И его смерть также представлена как кара Божья. По словам Нестора: «невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божиим. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти – муку вечную» [18]. Таким образом, Святополк – один из первых случаев создания отрицательного (почти полностью негативного, тому и соотносимого с архетипом антихриста) образа в древнерусской литературе.

В этой связи отметим, что в древнерусском искусстве антихрист обычно изображался в виде поросшего шерстью зверя с хвостом, страшными когтями у лап и с раскрытой пастью, но стоящего на двух ногах, как человек. Таким образом художники показывали злую, «звериную» сущность антихриста. На иконах Страшного суда

антихрист всегда показывался в профиль – для того, чтобы верующие не смогли помолиться ему по ошибке (см.: [5, 285–291]).

***

Эсхатологические настроения в Великом княжестве московском усилились в конце XV в. Правда, в Новом Завете довольно четко сказано, что срок конца света неведом никому, кроме Бога-Отца (Мф. 24:36), но другие места Священного Писания давали пищу для разного рода догадок и вычислений. В частности, разного рода предсказатели опирались на отрывок Второго послания Петра о том, что у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2 Пет. 3:8) и из факта, что, согласно средневековых представлений, мир был сотворен за семь дней делали вывод, что конец света наступит в 7000 году от условной даты сотворения мира, то есть, в 1492 г. Приход же антихриста ожидался сперва в 6967 (1459) году, так как толкователи Библии считали, что если Христос был распят в возрасте 33 лет, то его противник антихрист должен родиться за 33 года до конца света.

Хотя антихрист и не родился в 1459 г., а в 1492 г. конца мира, соответственно, не случилось, все же в XVI веке эсхатологические настроения в Великом княжестве Московском отнюдь не ослабели, а наоборот, резко усилились. Дело в том, что в 1453 г. пал захваченный турками Константинополь, а Великое княжество Московское осталось по сути единственным православным государством в мире. В 20-е годы XVI века псковский монах Филофей в посланиях к великому князю московскому сформулировал знаменитую теорию «Москвы – Третьего Рима», которая, по сути, имела явно эсхатологический характер. Согласно Филофею, два Рима – Рим как таковой и второй Рим – Константинополь – пали, третьим Римом является Москва, а четвертому «не быть», то есть падение Москвы на самом деле будет обозначать конец света. Опричнина и те страшные казни, которые устраивал Иван IV Грозный были связаны с идеей об особой ответственности монарха перед Богом за свой народ и за его спасение. Царь считал, что он – наместник Бога на Земле, и так как приближается конец света, то если не искоренит в своем государстве грех и ересь, ему предстоит отвечать за это Богу на Страшном суде. Много свидетельствует о том, что Иван действительно верил в близость Страшного суда и готовился к нему. В период правления Ивана Грозного эсхатологические настроения выражаются также и в очень развернутых и особо экспрессивных изображениях Страшного суда на стенах расписанных тогда церквей.

Тем не менее, противники Ивана Грозного рассматривали царя отнюдь не как наместника Бога, но как самого антихриста. Такую точку зрения отстаивал князь Андрей Курбский, первый русский политический эмигрант. Бежавший в Литву царский воевода написал знаменитую «Историю князя московского» [10], в которой подробно проследил генеалогию Ивана Грозного. Пересказывая историю развода отца царя, Василия III и насильственного пострижения им в монахини первой жены, а потом сомнительной с точки зрения церковного права замечать бы князя на матери Ивана IV, Елене Глинской, Курбский замечает «так зачат был наш теперешний Иван, и через поправление закона и похоть родилась жестокость...» [10, 234]. Тем самым бывший царский воевода отстаивает мнение Иоанна Дамаскина, что антихрист «родится убо от блуда». Именно Иван Грозный, который, по словам Курбского, уже в детстве выражал крайнюю жестокость, мучая животных, чтобы потом начать мучить и людей, являлся воплощением антихриста, а его правление приобретало явно эсхатологический характер. Более того, князь-эмигрант, лично и близко знавший московского тирана, пишет о том, что душевнобольной царь считал свою волю практически полностью идентичной воли Божьей, отсюда и проистекают его зверские казни. Грозный будто бы творит репетицию апокалипсиса, умерщвляя сотни людей. Но на деле он становится не представителем Христа, а предтечей антихриста.

В финале «Истории о Великом князе Московском» князь Курбский пророчесствует о смерти злочестивого государя. Он грозит ему вечным адом и геенной огненной: «...кольми паче кровьми христианскими оплывающими ищезнут воскоре со всем домом!» [10, 376]. Поэтому князь подробно повествует о его самообожествлении, о его издевательствах над подданными.

Иван Грозный не был единственным монархом на московском престоле, который воспринимался подданными как антихрист. То же самое говорилось в народе и о Борисе Годунове, и (Лже)Димитрии, тем более что, не имея отношения к династии Рюриковичей, оба царя признавались узурпаторами (а ведь и антихрист должен был захватить власть обманом).

***

Интересно отметить и то, что антихристом воспринимался, однако, и совершенно законный, к тому благочестивый и богомольный, монарх Алексей Михайлович, называемый Тишайшим. Правда, этот довольно мягкий и спокойный правитель плохо подходил на роль жестокого гонителя христианства. Причиной признания царя антихристом стало его желание преобразовать страну. Предпринятая в его правление патриархом Никоном попытка провести реформу

церковного церемониала привела к катастрофе – расколу в Русской Православной Церкви. Защитники древнего обряда, названные потом старообрядцами или староверами, окрестили именем антихриста сперва Никона, а потом и царя, пожелавших изменить старые обычаи, такие как традиционное двоеперстное крестное знамя. Так как вера в то, что антихрист уже пришел на Землю занимала главное место в миропонимании старообрядцев, осветим это вопрос подробнее. Взгляды противников реформ на природу антихриста не возникли на пустом месте и были сформированы предшествующей традицией.

Особенное влияние оказали на них труды, опубликованные в Москве накануне Никоновских реформ – «Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского об антихристе и знаках его» (1644) и «Книга о вере» (1648) Захарии Костенецкого. В этих двух публикациях была изложена концепция прихода антихриста в восьмом тысячелетии от Сотворения мира (по древнерусской системе летоисчисления начавшейся в 1492 году), при чем как наиболее вероятная дата рассматривался 1666 год (комбинация числа Зверя «666» из Откровения Иоанна Богослова и тысячелетия Царства антихриста. Как по иронии, церковный собор, приведший к расколу, происходил именно в 1666 году, что ещё больше утвердило старообрядцев в их убеждении в том, что реформы – дело антихриста и приближается конец света. Многие из них решили спастись от антихриста, убегая в леса, нередко были также случаи самосожжения. Согласно логике старообрядцев, лучше было физически погибнуть в пламени, чем угодить в руки антихриста и тем самым навсегда потерять свою душу, быть навеки обреченным гореть в адовом огне.

Необходимо упомянуть о том, что уже в первые годы после раскола в старообрядчестве сложились два главных понимания антихриста – «чувственное» и «духовное». В первом случае под антихристом подразумевалось конкретное лицо – Никон, Алексей Михайлович, сын Алексея Михайловича Петр Первый. Под понятием «духовного антихриста» подразумевалось же любое отступление от «древнего благочестия», то есть просто послереформенная Церковь или царская власть как таковая. Никон признанием себя антихристом обязан прежде всего тем, что в 1654 г. во время пасхальной службы будто бы разбил об пол несколько «плохо написанных» икон (большинство исследователей считает, что это были иконы, выдержанные в западноевропейском стиле, так что патриарх, как это ни парадоксально, защищал здесь традицию, то есть стоял на той же стороне, что старообрядцы). В староверском сознании иконоборческий акт Никона только лишь подтверждал убеждение в том, что патриарх – воплощение антихриста. Кто ж другой

мог бы посягнуть на православную святыню, икону, образ Христа на Земле? Также и на многих карикатурах из среды старообрядцев Никон изображается как антихрист-иконоборец (в особенности это заметно в рисунках к изданной уже в XIX веке «Повести о ерархе нашем Никоне»). По иронии, иконография (рога, клювы и лапы птиц, язык пламени, выходящий из рта, хвост) большинства старообрядческих карикатур на Никона и Алексея Михайловича, считавшихся отступниками от истинной веры, остается под сильным влиянием иконографии протестантских карикатур на католиков, на которых в роли антихриста изображался обычно папа римский.

Из-за эсхатологических настроений изображения антихриста характерны прежде всего для искусства старообрядцев. Именно в их кругу и был создан известный иконографический сюжет – «Архангел Михаил – Архистратиг небесных сил», на котором Архангел изображен летящим на красном крылатом коне и дующем в апокалиптическую трубу. В правой руке Небесный Всадник держит копьё, которым пробивает изображенного в бездне под копытами коня крылатого зверя с человеческим лицом – антихриста» [2, 78]. Антихрист в виде зверя, но стоящего в человеческой позе и с короной на голове, появляется и в толкованиях апокалипсисах, одно из таких представлено в собрании Национальной библиотеки в Варшаве (см.: [1]).

На первое место по количеству посвященных ему старообрядческих карикатур в облике антихриста выходит сын Алексея Михайловича, царь Петр Первый, названный впоследствии Великим. Петр Алексеевич, известен как царь-реформатор, который преобразовал Россию по квази-европейскому образцу. Петровские преобразования коснулись почти всех областей жизни: от организации армии, флота до изменения до дворцовых обычаев, бытовых условий жизни (даже еды). Многие подданные Петра считали, что во время длительного путешествия по Европе истинного царя подменили на какого-то немца, но достаточно было и тех, кто видел в монархе воплощение антихриста. Были это, в частности, старообрядцы, которых ужасали многие распоряжения царя (например, указ о введении европейской одежды, бритье бород, использовании для еды вилок). Указ же Петра о том, чтобы любые предметы из драгоценного металла имели вытесненную сбоку пробу, породил ужас – проба многим ассоциировалась не с чем иным, как с «печатью антихриста». Это отождествление Петра Первого с антихристом использовал впоследствии Д. С. Мережковский в завершающем томе своей трилогии «Христос и Антихрист» <Написание автора. – Е. Н., Д. В.>, «Антихрист. Петр и Алексей», о чем речь пойдет впереди.

***

В начале XIX века русским народом в роли антихриста воспринимался и Наполеон Бонапарте, совершивший в 1812 году во главе огромной французской армии поход на Россию. Впервые императора обвинил в безбожии Святейший Синод Русской Православной Церкви, издавший в 1806 году манифест, в котором Наполеон назывался «неистовым врагом мира и благословенной тишины». После вторжения Бонапарта в Россию часто вспоминался фрагмент из Откровения Св. Иоанна Богослова, в котором говорилось: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13:5). Многие толковали появлявшееся там число 42 как месяцы военных успехов Наполеона до войны с Испанией.

После нападения французского императора на российскую империю в журнале «Сын Отечества» появился русский перевод изданного в 1808 г. в Севилье «Гражданского катехизиса», в котором речь шла о двух естествах Наполеона: «человеческом» и «сатанинском», а также и о том, что император происходил «от ада и греха». Характерно, что в оценке Наполеона как антихриста примирились обычно враждебные друг другу православная, католическая и даже некоторые протестантские церкви.

Его «имя и деятельность встретили разную трактовку в художественной литературе: от романтического культа до интерпретации образа императора как антихриста. В 1820–1830-е годы в Европе возникает новый вариант мифа о Наполеоне: в глазах молодых людей, тип которых представляет бальзаковский Растиньяк, Наполеон становится могучим и умелым покорителем судьбы!» [17, 205].

А. С. Пушкин с такой «героизацией» императора был решительно не согласен. Тема императора-антихриста присутствует и в программном для Пушкина стихотворении «Клеветникам России» (1831), где она органично связана с цивилизационным противостоянием православной монархической России [17, 205] со всё более дехристианизирующейся и языческой по своему духу Европой:

«Бессмысленно прельщает вас
 Борьбы отчаянной отвага –
 И ненавидите вы нас.
 За что ж? – ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли,
 Того, пред кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?»

В подтексте «этого стихотворения присутствует тема Христа и антихриста. Эта тема обусловлена несколькими скрытыми библейскими аллюзиями. Прежде всего, следует назвать образ поваленного тяготеющего над царствами кумира» [17, 207]. Основой для этого образа является сон Навуходоносора из книги пророка Даниила: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю. Вот сон!.. Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих... Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты – это золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо... И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото. Великий Бог дал знать царю, что будет после сего. И верен этот сон, и точно истолкование его!» (Дан. 2: 31–44).

Отметим, что пушкинский кумир «тяготеет над царствами», что можно истолковать как в пространственном смысле – соотношение с современной Пушкину реальностью, так и во временном – указание на библейский первообраз. В христианской традиции рано укоренилось истолкование камня, отсеченного без рук, как воплотившегося от Девы Христа, который своим пришествием основал неколебимое царство – Церковь – и лишил сакрального смысла и абсолютного значения все прочие царства. Соответственно, можно предположить, что низвержение «тяготеющего над царствами кумира» Россией могло осмысляться как ниспровержение православным народом-богоносцем языческого кумира – Наполеона, претендовавшего на всемирное господство (см.: [17]).

***

Новый толчок для своего развития тема антихриста получила в середине XIX столетия в связи с возникновением мощных революционных движений, стремившихся к разрушению старого порядка и к строительству справедливого общества, в котором все люди будут друг другу равны. Уже тогда многие консервативные мыслители указывали на несбыточность этих планов и предостерегали, что новое царство свободы, теоретически построенное на принципах равенства и справедливости, может быстро обернуться царством антихристовым и полным порабощением человека.

В творчестве Ф. М. Достоевского архетип антихриста впервые появляется в романе «Бесы» (1872), воплощаясь сразу в нескольких персонажах. Шигалев разрабатывает теорию нового общества, построенного на жесткой тирании, удовлетворении только низших инстинктов людей при полном отсутствии свободы и преклонении перед вождем революции (то есть на всех трех искушениях Христа в пустыне – хлебом, авторитетом и властью); Петр Верховенский проводит шигалевскую теорию в жизнь; Николаю же Ставрогину, обладающему необыкновенным умением привлекать к себе людей и губить их, отведена роль главного антихриста, диктатора (правда, несостоявшегося), кумира толпы [26].

С намного большей силой архетип антихриста проявляется и в «Поэме о Великом Инквизиторе» – ключевом фрагменте другого знаменитого романа Достоевского, «Братья Карамазовы» (1879–1881). «Поэма...» – вставной текст, автором которого по роману является один из главных протагонистов, нигилист Иван Федорович Карамазов. Действие «Поэмы...» проходит в XVI веке в Испании, а главным героем является пожилой севильский инквизитор. Когда Христос во второй раз приходит на землю, его сразу арестовывают и ставят перед Великим Инквизитором как еретика. Старец сразу узнает Христа, но, тем не менее, приговаривает его к смертной казни и в своей пламенной речи обвиняет Спасителя в жестокости и отсутствии любви к человечеству.

В «Поэме...» Инквизитор выступает как воплощение антихриста, как бунтовщика, восставшего против Бога – теоретически во имя всеобщего счастья человечества, но на самом деле руководствовавшегося только своей неимоверной гордыней, заставившей его считать себя выше Христа. По мнению старца, Христос переоценил силы людей, дав им свободу воли и призывая их следовать за собой по дороге к спасению. Инквизитор же считает, что большинство людей слишком слабы, чтобы «вынести испытание

свободой» и добровольно следовать по ее пути. Пожилой испанский священник решает «исправить» подвиг Христа и принять все три дьявольских искушения – искушение хлебом, искушение властью и искушение чудом. За цену отречения от свободы он приводит человечество к относительно материальному благополучию и объединяет в «согласный муравейник», в котором люди не страдают от мук совести, так как всю ответственность возложили на авторитет Великого Инквизитора-антихриста.

***

В конце XIX века тему, намеченную Достоевским в «Поэме о Великом Инквизиторе» (антихрист как революционный вождь, тот, кто разрешит земные проблемы человечества, даст людям мнимое благополучие, но отберет свободу воли) творчески продолжили братья Соловьевы – Всеволод и Владимир.

В написанной в 1880-е годы мистической диалогии Вс. С. Соловьева («Волхвы», «Великий розенкрейцер»), мы, как и в «Бесах», встречаем не одного антихриста (см.: [11]; [14]; [15]). Их сразу два – Абельзон и «граф» Калиостро. Если первого из них можно назвать прямым воплощением взятой у Достоевского концепции (с помощью своих колоссальных знаний герой старается построить новое общество, но в то же время глубоко презирает и ненавидит человечество), то второго из них, корыстного и жаждущего земной славы, можно считать всего лишь одним из «мелких антихристов».

Герой мистической диалогии Всеволода Соловьёва, созданной в 1880 годах (романы «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер»), Джузеппе Бальзамо, «граф» Калиостро, проходит через все три соблазна, которые он не смог одолеть, и попадает в духовный плен к тёмным силам. Искушение «хлебом» для него была встреча с ростовщиком-евреем, которого он пустил по миру, завладев его богатством. Искушение «чудом» было обучение у розенкрейцеров, чьи этические постулаты он отверг в угоду своей внутренней «похоти» (1 Иоанн 2:16). Согласно описаниям Вс. Соловьева, розенкрейцеры могли предсказывать будущее, прозревать прошлое и настоящее, вызывать стойкие положительные и отрицательные чувства через воздействие на сознание и волю других людей, добываясь таким образом своего, достигая своих целей и даже исцеляя болезни. «Они посредством достигнутого могущества, могли завладеть другим человеком и превратить его «в слепое орудие своей воли, своих страстей. Этой силой можно попать, исковеркать и уничтожить весь

строй общественной жизни, породить всевозможные преступления, каких еще не знало человечество» [21, 112].

Искушение властью в данном случае явилось то, что на короткое время Калиостро стал «властителем душ» «просвещенной» Франции.

В дилогии отражен его жизненный путь от путешествия в Россию до смерти в тюрьме инквизиции. Вс. Соловьёв описал, как после приезда Калиостро в Санкт-Петербург стали распространяться слухи, будто бы он умел беседовать с душами умерших, читать мысли, предсказывать будущее, а главное – знал тайну вечной жизни и то, как превращать свинец в золото. Его тёмный глубокий взгляд завораживал. На фиолетовой мантии розенкрейцера сверкало огромное количество бриллиантов. Однако не богатство заезжего иностранца вызвало интерес у привыкшей к роскоши светской публики российской столицы, а слухи о его невероятных и чудесных способностях. У дома чародея собирались толпы любопытствующих; каждое аристократическое семейство старалось пригласить его в свой салон.

Таким его изображает Вс. Соловьёв в романе «Волхвы»; а в «Великом Розенкрейцере» он разоблачает своего героя с нравственных позиций. Если светская чернь принимала авантюриста с восторгом, то мудрая и проницательная царица Екатерина II (описав государыню в нескольких своих произведениях, Вс. Соловьёв постоянно подчеркивал именно такие свойства её характера), поняв его истинную сущность, отказалась «графу» принять и навсегда выслала из России.

Противодействие антихристу со стороны православного монарха – предание, богословски спорное, но косвенно соотносящееся с исследуемым архетипом. Значительно более достоверно представление о том, что антигерой, действуя по своему эгоистическому произволу, разрушает институт семьи [20, 564].

Взаимоотношения Калиостро с прекрасной Лоренцой далеки от норм брачного союза: розенкрейцер использует её как средство для достижения своих как политических (через оболыцаемых ею вельмож и сановников), так и эзотерических (через оболванивание менее знатных особ) целей. В дилогии наиболее яркую оценку авантюристу даёт его жена, которая, несмотря на то, что стала его жертвой, в глубине души осталась набожной католичкой. Введенная в состояние гипнотического транса своим супругом, она «исповедуется» ему: «...Мой муж был колдун, и я помимо своей воли

была его помощницей в колдовстве. Он владеет мною посредством тайной силы. <...> Он отдал душу дьяволу и погубил мою душу» [21, 39].

Наиболее значимым и весомым стал взгляд православных жителей Санкт-Петербурга на «итальянского графа»: «Какой там чудотворец, какой благодетель?! – просто еретик, колдун. Действует он дьявольской силой. <...> Он и приехал сюда, чтобы губить христианские души! Может, болезни, какие и вылечит на недолгое время, а душу-то погубит!» [21, 384]. Во время написания этого романа Вс. Соловьев находился в тесных отношениях со святым Иоанном Кронштадтским, который помог ему ответить на мучавшие вопросы и способствовал более глубокому восприятию истин православной веры.

Повествуя о судьбе Калиостро, писатель отмечает, что адепт эзотерического ордена много путешествовал по всем европейским столицам. И повсюду разыгрывал один и тот же сценарий. Вначале его встречали овациями и прославляли как великого мага, пророка и медиума, общающегося с духами и способного возвращать ушедшую молодость; немногим позже всплывали темные истории с подделками, мистификациями и обвинениями в мошенничестве.

Во второй части автор, не останавливаясь подробно на описании турне Калиостро, повествует об эффекте, который произвел авантюрист на общество тех лет: «... весь Париж, первый центр европейского умственного движения, будет нарасхват раскупать эти бюсты и с благоговейным молитвенным трепетом читать надпись под ними *«Божественный Калиостро»* <Выделено нами. – Е. Н., Д. В.>. Изумительному иностранцу будут воздаваться царственные почести, и сам король Франции издаст указ, по которому малейшее оскорбление, нанесенное Калиостро, будет признано оскорблением Его Величества» [22, 79].

Согласно известной историософской закономерности, апогей становится началом конца. Писатель подробно не описывает судьбу мнимого графа после произведенного им триумфа во Франции, но финал его жизни освещает подробно.

Сцены гибели Джузеппе Бальзамо исполнены особо яркой символики. Точных сведений о его смерти, к сожалению, не сохранилось. Только известно, что, когда в 1797 году войска Наполеона вошли в Рим, Бонапарт распорядился найти и освободить Бальзамо. Но его камера в тюрьме святой инквизиции была пуста [7, 122]. Современный историк О. А. Платонов пишет, что в 1791 г. Калиостро, схваченный инквизицией как еретик и сатанист, «был приговорен к сожжению на костре, впоследствии был

помилован и остаток жизни провел в тюрьме» [19, 197]. Мнение о том, что исторический Калиостро был предтечей антихриста, высказал в беседе с Е. В. Никольским русский богослов-эмигрант игумен Герман (Подмошенский) (см.: [14]); по-видимому, таких же взглядов придерживался и известный подвижник веры и благочестия, иеромонах Серафим (Роуз) Платинский.

Вс. Соловьев воспроизводит эти факты биографии известного авантюриста, используя одно из преданий, повествующее о конце «графа». Обманом заманив к себе в камеру священника-доминиканца, Калиостро убил его и покинул тюрьму: «...он шел дальше, и, чем дальше он шел, тем быстрее становились его шаги. Свежий воздух опьянял его, <...> во всем теле чувствовалась слабость. <...> Он не мог идти дальше и почти упал на землю.

Все темнеет в глазах, а в ушах в ушах откуда-то, отовсюду повторяется одно только слово: «Убийца! Убийца!» Невыносимый, отчаянный страх охватил его, такой страх, какого он не испытывал ни разу в жизни. Ему чудится, будто его преследуют, гонятся за ним какие-то страшные призраки...

<...> Он слабо вскрикнул, потом захрипел и упал на землю бездыханный» [22, 227].

Писатель воссоздает известный в христианской литературе случай смерти нераскаявшегося грешника. Вся жизнь Калиостро была построена по принципу «угождения самому себе», его целью было достижение славы, а не смиренное служению людям, как требует евангельское учение. Всё это способствовало разжиганию гордыни, которая лишь усиливалась по мере овладения тайным знанием розенкрейцеров.

Как показал в своём романе Вс. Соловьёв, в душе Калиостро не было места ни Христу, ни Его благой вести. Дж. Бальзамо, стремясь стать благодетелем человечества и осыпать милостью бездомных, мечтал занять (если не в бытии, то в сознании людей) место Бога. Ему это, в какой-то мере, удалось, но затем последовал неминуемый крах. Смерть – итог жизни, ее финальная точка, в которой смыкаются навечно все нити человеческого бытия.

Фигура Абельзона в мистической дилогии рассмотрена намного менее подробно, чем образ Калиостро, но, тем не менее, Вс. Соловьев именно на примере этого персонажа показал, как знания могут принести абсолютное зло не только их обладателю, но и его ближнему и дальнему окружению (как вариант извечной темы «гений и злодейство»). У Вс. С. Соловьёва силен также и антисемитский мотив (Абельзон – еврей).

В образе Абельзона автор подчеркнул, что человек изначально злой, не очищая свое сердце от страстей, получая тайные знания и приобретая сверхъестественные способности, лишь укореняется во зле и теряет способность творить добро. Символично это показано в конце дилогии, где Абельзон вступает в поединок с главным героем романа, раскаявшимся и уверовавшим в Бога бывшим розенкрейцером, князем Юрием Захарьевым-Овиновым (см.: [14]; [15]). Это единоборство заканчивается победой Захарьева-Овинова, так как причиненное им другим зло возвращается к Абельзону назад, и он падает замертво. Таким образом, на примере Абельзона Вс. Соловьев показал, что в конечном итоге добро всегда побеждает зло.

Ученик Абельзона, Джузеппе Бальзамо, сам называющий себя «графом Калиостро», является воплощением архетипа антихриста, но скорее всего, мелкого, а не главного. Он, как и Великий Инквизитор у Достоевского, проходит через все три соблазна, которые он не смог одолеть, и попадает в духовный плен к тёмным силам, о чём свидетельствует и жалкий финал жизни графа после побега из тюрьмы и убийства пожалевшего его священника.

Архетип антихриста появляется также и в известном сочинении брата Вс. С. Соловьева, философа Вл. С. Соловьева, «Краткая повесть об антихристе». Данное произведение входит в цикл «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», написанный в 1899–1900 годах, то есть прямо накануне нового столетия. «Краткая повесть...» переполнена эсхатологическими мотивами, характерными для эпохи декаданса. Князь Е. Н. Трубецкой, один из выдающихся представителей Серебряного века, уже в 1912 году писал в статье «Старый и новый messiаниззм», что Вл. С. Соловьёв раскрыл духовный облик России, в кратком сочинении он высказал о ней больше, чем в многочисленных сочинениях предыдущего периода его творчества. В ярком художественном образе он раскрыл то, чего раньше никак не могли осмыслить и постичь ни его, ни чьи-либо другие теории. Как правильно подметила Н. Г. Юрина, в соловьевской трактовке конца истории многое указывает на своеобразие общественных настроений рубежа веков – неясное ощущение тревоги и беспокойства, смешанное со все еще живой верой в прогресс и окончательное торжество гуманизма [30].

В «Краткой повести...» философ строит сложную геополитическую картину мира будущего. Согласно соловьевскому тексту, ещё в конце XIX столетия Япония придумала идею панмонголизма и захватила почти всю Европу (за исключением Англии, которая откупилась от японцев миллиардом фунтов). Японская оккупация Европы длилась полвека, но её сбросил панъевропейский

заговор, благодаря которому захватчиков удалось отбросить обратно в Азию. К началу нового, XXI века, возникают Европейские Соединенные Штаты, охватывающее собой всю Европу.

В этой универсальной империи начинается брожение умов, хаос, поиск новой, общей для всех идейной концепции. Нет ничего удивительного в том, что Соловьев как философ и богослов делает упор главным образом на религиозную сторону вопроса. Сформировавшуюся в «ЕШС» идеологию, в которой понятие Бога было подменено человеком и его благом, автор называет «спиритуализмом» и «необуддизмом», но на самом деле оно очень близко понятию постмодерна. Только в этой социальной и идейной ситуации мог явиться и проявиться антихрист. Как это ни удивительно, будущий соловьевский антихрист в начале характеризуется сугубо положительно, как интеллектуал, «великий аскет, спиритуалист и филантроп» [23], а заодно также вегетарианец и эколог. На первый взгляд, это просто идейный идеалист, который мечтает о том, чтобы сделать мир лучше, но это впечатление оказывается обманом.

«Ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя» [23], – пишет философ. Тут антихрист охвачен гордыней и идеей подчинить весь мир себе и стать богом для всех людей. Он – как Великий Инквизитор у Достоевского и Калиостро у Вс. С. Соловьева – принимает все три искушения – хлебом, чудом и властью. При активной поддержке масонов (которым традиционно приписывалось желание властвовать над миром), антихрист становится сперва президентом, а потом и монархом Европейских Соединенных Штатов, которые в самом скором времени починили себе весь мир.

Создается общемировая универсальная империя со столицей в Иерусалиме. А антихрист-император начинает свое правление с накормления бедных (искушение хлебом). «Благодаря сосредоточению в его руках всемирных финансов и колоссальных поземельных имуществ он мог осуществить эту реформу по желанию бедных и без опутительной обиды для богатых. Всякий стал получать по своим способностям, и всякая способность – по своим трудам и заслугам» [23]. Эту ситуацию Соловьев называет «равенством сытости». Так как антихрист понимает, что людям, кроме хлеба, нужны и игрища, то принимает у себя чудодея Апполония.

Желая объединить в одно все религии мира и сам стать главой Церкви, заменившим собой Христа, император устроил собор, во время которого были убиты сразу два праведника, не пожелавшие подчиняться повелениям антихриста – католический папа Петр

и православный старец, епископ Иоанн. На соборе также удивительное объединение обычно враждующих между собой православных, католиков и протестантов, противостоявшим власти антихристовой, но конец власти антихриста положило только восстание евреев.

Желая объединить в одно все религии мира и сам стать главой Церкви, заменившим собой Христа, император устроил собор, во время которого были убиты сразу два праведника, не пожелавшие подчиняться повелениям антихриста, – католический папа Петр и православный старец, епископ Иоанн. На соборе также удивительное объединение обычно враждующих между собой православных, католиков и протестантов, противостоявшим власти антихристовой, но конец власти антихриста положило только восстание евреев.

В «Краткой повести...» Вл. С. Соловьев (подобно тому, как раньше Достоевский в своей «Поэме...») показал, что даже огромные знания и, казалось бы, огромная любовь к людям без помощи Бога оборачиваются только злом и страданием, утратой свободы воли и совести, полным порабощением. Хотя в произведении Соловьева появляются прямые отсылки на события периода немецкой реформации и французской революции, оно носит профетический характер. Философ в своих прозрениях заглянул в XX век и предсказал скорое возникновение тоталитарных режимов, которые, согласно планам и официальным заявлениям, должны были принести человечеству счастье и благополучие, а привели к величайшим трагедиям.

***

Архетип антихриста с выразительно представлен и в трилогии писателя-серебряновечника Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» (авторское написание с заглавной буквы, 1895–1905). Три романа («Смерть богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Антихрист. Петр и Алексей») объединены одной общей идеей – борьбой язычества и христианства (Христового и антихристового начал) в истории человечества.

Нам кажется, что здесь стоит присмотреться и картине И. С. Глазунова «Христос и Антихрист» (тоже оригинальное авторское написание, 1999), задуманной именно как иллюстрация к трилогии Мережковского. На полотне изображены спокойный и светлый лик Спасителя и злобное лицо антихриста. Оба персонажа внешне очень похожи друг на друга, только голову Христа окружает крестообразный нимб, тогда как вокруг головы его антагониста мы можем заметить подобие нимба с цифрами «666» – библейским антихристовым числом. По мнению А. Ухтомского, смысл картины заключается в том, что только небольшая разница отличает добро от зла, что зло всегда

является вторичным от добра, его обратной стороной (см.: [27]). Сам Мережковский, относящийся к так называемым писателям-богоскателям и очень далекий от ортодоксии, сперва хотел в заключительном томе показать синтез обеих начал, но по ходу работы над трилогией понял, что такая трактовка вопроса является ложной: «Когда я начинал трилогию «Христос и Антихрист», мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины, – признавался впоследствии автор. – Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе» [28].

Изменение авторского замысла очень хорошо заметно в последнем томе трилогии «Антихрист. Петр и Алексей». В трактовке Мережковского Петр Первый является воплощенным антихристом, тогда как казненный им сын и наследник, царевич Алексей, наоборот, выступает как носитель веры и защитник традиции. Писатель рубежа XIX и XX веков, кажется, разделяет мнение старообрядцев, которые уже в XVIII веке признали царя-реформатора антихристом.

Монарх у Мережковского наделен главной чертой антихриста – он обладает неимоверной гордыней, велевшей ему ломать устои государства, насильно просвещать и осчастливливать своих подданных. Сходство Петра с антихристом усугубляет тот факт, что царь указан как иконоборец – ведь именно антихрист является иконоборцем, уничтожившим Божий образ в мире [3].

В романе Мережковского Петр борется с чудотворными иконами, считая, что таким странным способом он борется с предрассудками и насаждает в России просвещение. Это очень хорошо видно в сцене, где монарх доказывает, что плачущая икона Богоматери на самом деле заключает в себе некоторый механизм, позволяющий ей выдавливать из глаз слезы, и, не замечая, что, разоблачая обман, одновременно совершает кощунство по отношению к иконе – символу православия. Здесь приходится согласиться с русским литературоведом Л. Долгополовым, придерживающимся мнения, что Петр «для Мережковского является деспотом, который с чисто восточной жестокостью вводит новые формы государственности. Он создает новое государство, лишённое религии и нравственности» [6, 292], то есть, в сущности, царство антихриста.

Наш короткий обзор архетипа антихриста в русской культуре логично было бы завершить произведениями, созданными под впечатлением событий Октябрьской революции и Гражданской

войны. Падение монархии Романовых и разрушение давней культуры многими представителями русских интеллектуальных элит рассматривалось в апокалиптическом ключе. Эсхатологические мотивы хорошо видны в творчестве русских писателей так называемой первой волны эмиграции. В таких произведениях, как роман И. С. Шмелева «Солнце мертвых» или сочинение Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны», они заметны даже на уровне названия.

Что касается интересующего нас архетипа антихриста, то он проявляется в эпопее Е. Н. Чирикова «Отчий дом» (1929–1931). С литературоведческой точки зрения данный роман Чирикова представляет собой своеобразную комбинацию романа-реки [16], создающего образ переломной эпохи сквозь призму судеб обычных, типичных людей своего времени – представителей трех поколений дворянской семьи Кудышевых, и жанра семейной хроники [13].

На самом деле автор рисует картину русского общества 1880-х – 1900-х годов, чтобы выявить скрытые, глубинные причины всей драмы, произошедшей в 1917 г., осмыслить трагический опыт, а также попытаться найти пути выхода из сложившегося положения. Главную причину бед автор усматривает в появлении антихриста, как духовного (общее смятение умов), так и чувственного (олицетворяемого в романе вполне историческим персонажем, лидером революции и хорошим знакомым Чирикова В. И. Лениным). Права А. В. Назарова, написавшая, что чириковский Ленин отличается невероятной, по истине сатанинской гордыней. Хотя сам он марксист, с пренебрежением высказывается о Марксе и сам себя выставляет как единственного вождя и гения, вожака толпы (как Николай Ставрогин у Достоевского) [13].

От себя добавим, что в романе Ленин представлен как тот, кто принял все три искушения Христа в пустыне (хлебом, властью и чудом) и теперь смущает ими общество. Крестьянам вождь мирового пролетариата предлагает «хлеб» – землю, своим сподвижникам – власть над массами, а старообрядцам – чудесную победу над ненавистным им антихристовым царским режимом. Именно благодаря такой трактовке личности Ленина и представлении его в роли антихриста, Евгений Чириков старается переосмыслить произошедшую в России катастрофу и объяснить ее причины – потерю веры в Бога и развитие либерализма и равнодушия. Общее смятение и хаос являются идеальным фоном для появления предтечи антихриста в лице царевубийцы и лидера мирового пролетариата.

***

В русской культуре литература выполняла функцию философии. Посредством художественных образов, поэтики, сочетания самых различных жанров писатели размышляли о ключевых вопросах бытия, смысле человеческой жизни. Смысл исторических событий, судьба русского народа осмыслялась именно посредством литературы. В своих произведениях авторы воплощали высшие идеалы, которые были призваны направлять читателя к подлинному знанию, истинной любви.

Поэтому мы считаем актуальным рассмотреть избранные памятники русской культуры сквозь призму архетипа. Ведь любой архетип отсылает нас к широкому пониманию исторического процесса, его осмыслению *sub specie aeternitatis* <с точки зрения вечности (лат)>. И в ряду «удаленных» контекстов рассматриваются «надысторические начала бытия: восходящие к архаике мифопоэтические универсалии» [12] – архетипы. В их числе космо- и антропогонические мифы, а также эсхатологические представления разных исповеданий.

Анализ функционирования архетипа антихриста – библейского конечного антагониста Христа – в русской культуре показал, что при том, что эсхатологическая направленность и ожидание конца мира вообще очень характерны для русской интеллектуальной традиции, апокалиптические тенденции обычно усиливались в нередкие в русской истории моменты сильных политических и общественных потрясений. Именно в эти периоды архетип антихриста проявлялся в необыкновенной художественной силой. При этом в произведениях русской культуры антихрист традиционно понимался или как конкретный человек, или как некая сила («чувственный» и «духовный» антихрист по терминологии старообрядцев).

Первые проявления архетипа антихриста мы встречаем в древнерусской литературе. Это и нестеров Святополк Окаянный, а также в этом ключе трактует личность и деяния Ивана Грозного первый политический эмигрант князь Андрей Курбский.

В разные эпохи воплощением антихриста считались вполне конкретные исторические персонажи, такие как Иван Грозный, патриарх Никон, Петр Первый, Наполеон Бонапарт, В. И. Ленин и другие политические и религиозные лидеры.

В церковном искусстве же антихрист чаще всего изображался как зверь, а в случае, когда в качестве антихриста изображался конкретный исторический деятель, то его показывали как человека с внешними звериным «атрибутами» – хвостом, рогами, когтями.

Огромное значение для развития архетипа антихриста в русской культуре имел церковный раскол 1666 года, когда значительная часть населения начала себя чувствовать подданными царя-антихриста, живущими в безблагодатном, «антихристовом» мире.

В литературе XVIII столетия мы не находим данного архетипа. Он появляется в словесности позднего романтизма. Так, поздний отголосок восприятия Наполеона Бонапарте как «сына погибели» присутствует и в программном стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1830). Французский император назван поваленным «тяготеющим над царствами кумиром», что в свою очередь напрямую отсылает нас ко сну Навуходоносора из ветхозаветной Книги пророка Даниила (Дан: 2, 31–44). В замысле поэта низвержение Наполеона русским народом понималось как победа над антихристом, претендующим на всемирное господство.

Такая тема получила дальнейшее развитие в западноевропейской литературе XX века. Тогда, по словам А. Я. Эсалнек, возросла «ориентированность на поиски архетипических начал». Это было связано с разочарованиями в историзме, в идее прогресса, а так же «с желанием «выйти» за пределы конкретного исторического времени и доказать существование вечных, неизменных начал в бессознательных сферах человеческой психики, зарождающихся в праистории и повторяющихся в ходе её архетипических ситуаций, состояний, мотивов, образов» [29, 537].

Для русской литературы конца XIX – начала XX вв., периода, когда усиливалось революционное движение при одновременном кризисе монархии и общей девальвации христианских ценностей, характерны более отвлеченные рассуждения над будущим антихристом и его природой. Антихрист – уже не конкретный человек, а только порождение эпохи, узурпатор Божьей власти и силы, революционный деятель. Данную традицию начал еще Ф. М. Достоевский («Бесы», «Поэма о Великом Инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы») и продолжили Вс. С. и Вл. С. Соловьевы («Волхвы» и «Великий розенкрейцер», «Краткая повесть об антихристе») и Д. С. Мережковский («Антихрист. Петр и Алексей»). В данных произведениях антихрист указан как революционер, мнимый благодетель человечества, который, приняв все три искушения злого духа и руководствуясь безмерной гордыней строит новый мир без Бога.

Неким естественным завершением этой традиции может служить роман Е. Н. Чирикова «Отчий дом», в котором, уже с перспективы победы большевиков рассматриваются события

конца XIX – начала XX вв. и деятельность нового антихриста В. И. Ленина, умело использовавшего общий кризис ценностей и веры для захвата власти в России и введения там «антихристового» (по мнению писателя) политического общественного строя.

Можно утверждать, что летопись и житие, написанные в XI в., и произведения, увидевшие свет в XIV, XIX и в XX вв., в сущности, выстроены по одному и тому же архетипу. В своей глубинной семантике это тождественные (не абсолютно) тексты.

В русской литературе есть единый сюжет, который проходит через весь тысячелетний путь ее развития. Он восходит к архетипическому сюжету о Христе и антихристе. Специально отметим, что, создавая архетипические прообразы антихриста, агиографы, полемисты и романисты развивали традиции предшествующей литературы. Тема нравственной деградации, духовного оскудения неоднократно поднималась в житийной, дидактической и художественной словесности во всех частях христианского мира со времён апостольских. В XIX–XX вв. эти мотивы обрели особенную актуальность. Антигерой финального этапа человеческой истории становится одним из актуальнейших архетипических образов, встречающихся в трансформированном виде в различных произведениях мировой литературы. В связи с этим отметим, что в современном литературоведении принято говорить также и об архетипических чертах, моделях, формулах, мотивах. Полный сюжет включает в себе комплекс мотивов.

С XI по XX век архетип антихриста в русской культуре прошел интересный путь эволюции. При сохранении базовых черт (ядра, включающего в себя стремление господству, массовые убийства, самообожествление, христорочество) он постепенно раскрывался и обогащался у каждого из проанализированных нами мастеров слова, обрстал некоторыми индивидуальными особенностями.

Но наибольший интерес в нашем случае особую важность представляют те матричные фрагменты прообраза антихриста, которые использовали все классики русского слова. Таковыми являются: рождение во блуде (Святополк Окаянный, Иван Грозный); озлобленность против всего христианского мира (Абельзон, В. И. Ленин); искушения хлебом (Калиостро, император-антихрист у Вл. Соловьёва, Ленин у Чирикова), вселенской властью и чудом, частичный успех (пушкинский Наполеон, розенкрейцеры, Ленин, Юлиан Отступник); демонизация и девальвация красоты (герои Д. С. Мережковского); скрытое или явное противоборство с евангельской религией, тотальная лживость, самообожествление,

сознательное противодействие Иисусу Христу омертвление души; неоднократные убийства, бесславная гибель без надежды на спасение.

Во всех проанализированных выше произведениях мы видим, что главные герои близки архетипу антихриста. Несмотря на то, что этот архетип к нам пришел из глубины веков, его мы можем наблюдать и в произведениях XX века. Это говорит о том, что древнерусская литература и христианская теология способны помочь сегодняшнему читателю увидеть текст глубже, распознать его труднодоступные смыслы.

Литература

1. Sulikowska, A. «Znaki Antychrysta». *Miniatury starowiejskiej Komentowanej Apokalipsy z kolekcji Biblioteki Narodowej* / A. Sulikowska // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. – 2014. – №3. – S. 80–92.
2. Sulikowska-Belczowska, A. *Old Belivers and the World of Evil: Images of Evil Forces in Old Beliver Art* / A. Sulikowska-Belczowska // *Ikonotheka*. – № 27. – 2017. – Pp. 71–92.
3. Walczak, D. *Walka z cudownymi ikonami jako element reformy państwa w duchu europejskiego racjonalizmu. Car Piotr I jako ikonoklasta w powieści «Antychryst. Piotr i Aleksy» Dmitrija Miereżkowskiego* / D. Walczak // *Literatura i władza – związki na gruncie rosyjskim (XVII–XXI w.)* / ed. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. – Warszawa, 2017. – С. 73–81.
4. Аверинцев, С. С. *Архетипы* / С. С. Аверинцев // *Мифы народов мира*. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 110–111.
5. Антонов, Д. И., Майзульс, М. Р. *Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семиотика образа* / Д. И. Антонов, М. Р. Майзульс. – М.: Индрик, 2011. – 376 с.
6. Долгополов, Л. *Андрей Белый и его роман «Петербург»* / Л. Долгополов. – Л.: Советский писатель, 1988. – 415 с.
7. Карнович, Е. П. *Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий* / Е. П. Карнович. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1884. – 520 с.
8. Киевич, А. В. *Ситуация в мировой экономике: стабильность или приближающийся экономический апокалипсис* / А. В. Киевич // *Современные аспекты экономики: научный журнал*. – 2016. – № 6. – С. 15–23.
9. Кураев, Андрей, диакон. *Страшный суд и тайны Апокалипсиса* / Диакон Андрей Кураев. – М.: Журн. «Фома», 1999. – 29 с.
10. Курбский, Андрей, князь. *История о великом князе Московском* / Князь Андрей Курбский / Подг. текста и комментарии

А. А. Цехановича, перевод А. А. Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. – М.: Худож. литер., 1986. – С. 218–399, 605–617.

11. Любавин, Н. К тридцатилетию творческой деятельности Всеволода Соловьёва / Н. Любавин // РГАЛИ. – Ф. 208. – Оп. 1. – Ед. хр. 185. – Лист. 8.

12. Михайлов, А. В. Надо учиться обратному переводу / А. В. Михайлов // Михайлов А. В. Обратный перевод. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 14–18.

13. Назарова, А. В. Легенда об антихристе в семейной хронике Е. Н. Чирикова «Отчий дом» / А. В. Назарова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013. – № 1. – С. 171–178.

14. Никольский, Е. В. Архетип антихриста в мистической диалогии Всеволода Соловьёва и романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» / Е. В. Никольский // Литературная учеба – 2010. – № 3. – С. 203–217.

15. Никольский, Е. В. Изображение «графа» Калиостро в мистической диалогии Всеволода Соловьёва / Е. В. Никольский // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 21–25.

16. Никольский, Е. В. «Отчий Дом» Евгения Николаевича Чирикова как роман-река / Е. В. Никольский // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции. Москва, МГОУ, 15-16 сентября 2011 г.: в 2 ч. – М.: ООО «ЮНИАКС», 2012. – Ч. 2. Русское зарубежье. Продолжатели традиций.

17. Никольский, Е. В. Наполеон Бонапарт между Христом и антихристом: парадоксы императора и рецепция его личности в русской поэзии / Е. В. Никольский // Россия в отечественных войнах. Четвертые всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвеевского. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – С. 205–208.

18. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4863>].

19. Платонов, О. А. Терновый венец России: иудаизм и масонство против христианской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Родник, 1998. – 877 с.

20. Православная энциклопедия. – М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл». – Т. 2. Алексей, человек Божий – Анфим Анхиальский. – 2001. – 752 с.
21. Соловьев, Вс. С. Волхвы / Вс. С. Соловьев. – М.: Фирма АРТ, 1993. – 448 с.
22. Соловьёв, Вс. С. Великий Розенкрейцер / Вс. С. Соловьев. – М.: Малое предприятие «МАР», 1991. – 299 с.
23. Соловьев, Вс. С. Краткая повесть об антихристе [Электронный ресурс] / Вс. С. Соловьев. – Режим доступа: [http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_tri_razgovora_/poves_t_ob_ant/].
24. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв // Соловьёв С. М. Сочинения. – М.: Мысль, 1988. – Кн. 2. – Т. III–IV. – 765 с.
25. Сказание о Борисе и Глебе [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – Т. 1: XI—XII века. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4863>.
26. Сыромятников, О. И. Антихрист в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / О. И. Сыромятников // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 112–121.
27. Ухтомский, А. «Христос и антихрист, или как отличить добро от зла» [Электронный ресурс] / А. Ухтомский. – Режим доступа: <https://pravlife.org/ru/content/hristos-i-antihrist-ili-kak-otlichit-dobro-ot-zla-o-kartine-i-glazunova-kandidat-bogosloviya>].
28. Чураков, Д. О. Эстетика русского декаданса на рубеже XIX – XX вв. Ранний Мережковский и другие [Электронный ресурс] / Д. О. Чураков. – Режим доступа: https://www.portalslovo.ru/history/35131.php?ELEMENT_ID=35131&PAGEN_2=2].
29. Эсалнек, А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения / А. Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 183 с.
30. Юрина, Н. Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева (Соловьёв и Яворский) [Электронный ресурс] / Н. Г. Юрина. – Режим доступа: https://www.aspirans.com/traditsii-russkoi-apokalipticheskoi-literatury-khviii-veka-v-kratkoj-povesti-ob-antikhriste-vl-solov#/.

REFERENCES

1. Sulikowska, A. «Znaki Antychrysta». Miniatury starowerskiej Komentowanej Apokalipsy z kolekcji Biblioteki Narodowej // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. – 2014. – №3. – Pp. 80–92/
2. Sulikowska-Bełczowska, A. Old Believers and the World of Evil: Images of Evil Forces in Old Believer Art // *Ikonotheka*. – № 27. – 2017. – Pp. 71–92.
3. Walczak, D. Walka z cudownymi ikonami jako element reformy państwa w duchu europejskiego racjonalizmu. Car Piotr I jako ikonoklasta w powieści «Antychryst. Piotr i Aleksy» Dmitrija Miereżkowskiego // *Literatura i władza – związki na gruncie rosyjskim (XVII–XXI w.)* / ed. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. – Warszawa, 2017. – Pp. 73–81.
4. Averincev, S. S. Arhetipy [Archetypes] // *Mify narodov mira [Myths of people of the world]*. – T. 1. – Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija [Soviet encyclopedia], 1980. – Pp. 110–111.
5. Antonov, D. I., M. R. Majzul's, Demony i greshniki v drevnerusskoj ikonografii. Semiotika obraza [Demons and Sinners in Old Russian Iconography: The Semiotics of the Image]. – Moscow: Indrik, 2011. – 376 p.
6. Dolgopolov, L., Andrej Belyj i ego roman «Peterburg» [Andrei Belaya and his novel "Petersburg"]. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1988. – 415 p.
7. Karnovich E.P. Zamechatel'nye i zagadochnye lichnosti 17 i 18 stoletij [Wonderful and mysterious personalities of 17 and 18 centuries]. – St. Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1884. – 520 p.
8. Kievich, A. V. Situacija v mirovoj jekonomike: stabil'nost' ili priblizhajushijsja jekonomicheskij apokalipsis // *Sovremennye aspekty jekonomiki: nauchnyj zhurnal*. – 2016. – № 6. – Pp. 15-23.
9. Kuraev, Andrej, diakon. Strashnyj sud i tajny Apokalipsisa / Diakon Andrej Kuraev. – Moscow: Zhurn. «Foma», 1999. – 29 p.
10. Kurbskij, Andrej, knjaz'. Istorija o velikom knjaze Moskovskom / Podg. teksta i komentarii A. A. Cehanovicha, perevod A. A. Alekseeva // *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. 2-ja pol. XVI v.* – Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1986. – Pp. 218–399, 605–617.
11. Ljubavin, N. K tridcatiletiju tvorcheskoj dejatel'nosti Vsevoloda Solov'jova // *RGALI*. – F. 208. – Op. 1. – Ed. hr. 185. – List. 8.
12. Mihajlov, A. V. Nado učit'sja obratnomu perevodu // Mihajlov A. V. *Obratnyj perevod*. – Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – Pp. 14–18.

13. Nazarova, A. V. Legenda ob antihriste v semejnoj hronike E. N. Chirikova «Otchij dom» [The Legend of Antichrist in E.N. Chirikov's Family Chronicle 'Ancestral Home'] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]. – 2013. – №1. – Pp. 171–178.

14. Nikol'skij, E. V., Arhetip antihrista v misticheskoj dilogii Vsevoloda Solov'jova i romane Patrika Zjuskinda «Parfjumer» // Literaturnaja ucheba – 2010. – № 2. – Pp. 203–217.

15. Nikol'skij, E. V., Izobrazhenie «grafa» Kaliostro v misticheskoj dilogii Vsevoloda Solov'eva // Izvestija Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2012. – № 3. – Pp. 21–25.

16. Nikol'skij, E. V. «Otchij Dom» Evgenija Nikolaevicha Chirikova kak roman-reka // Slovesnoe iskusstvo Serebrjanogo veka i Russkogo zarubezh'ja v kontekste jepohi: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, MGOU, 15-16 sentjabrja 2011 g.: v 2 ch. – Moscow: OOO «JuNIAKS», 2012. – Ch. 2. Russkoe zarubezh'e. Prodolzhateli tradicij.

17. Nikol'skij, E. V. Napoleon Bonapart mezhdu Hristom i antihristom: paradoksy imperatora i recepcija ego lichnosti v russkoj poezii / E. V. Nikol'skij // Rossija v otechestvennyh vojnah. Chetvertye vserossijskie istoriko-kraevedcheskie chtenija pamjati professora P. E. Matveevskogo. – Orenburg: Izd-vo OGPU, 2012. – Pp. 205–208

18. Povest' vremennyh let [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4863>.

19. Platonov, O. A. Ternovyj venec Rossii: iudaizm i masonstvo protiv hristianskoj civilizacii. – Moscow: Rodnik, 1998. – 877 p.

20. Pravoslavnaja jenciklopedija. – M.: Cerkovno-nauch. centr «Pravoslavnaja jencikl». – T. 2. Aleksij, chelovek Bozhij – Anfim Anhial'skij. - 2001. - 752.

21. Solov'ev, Vs. S. Volhvy. – M.: Firma ART, 1993. – 448 p.

22. Solov'jov, Vs. S. Velikij Rozenkrejcer. – Moscow: Maloe predpriyatie «MAR», 1991. – 299.

23. Solov'ev, Vl. S. Kratkaja povest' ob antihriste [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovev_tri_razgovora_/poves_t_ob_ant/].

24. Solov'jov, S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon // Solov'jov S. M. Sochinenija. – Moscow: Mysl', 1988. – Kn. 2. – T. III–IV. – 765 p.

25. Skazanie o Borise i Glebe [Elektronnyj resurs] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / Pod red. D. S. Lihachjova,

L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. – T. 1: XI—XII veka. – Rezhim dostupa: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4863>.

26. Syromjatnikov, O. I. Antihrist v romane F. M. Dostoevskogo «Besy» [Antichrist in F.M. Dostoyevsky's novel "Besy" ("Demons")] // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 4. – Pp. 112–121.

27. Uhtomskij, A. «Hristos i antihrist, ili kak otlichit' dobro ot zla [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://pravlife.org/ru/content/hristos-i-antihrist-ili-kak-otlichit-dobro-ot-zla-o-kartine-i-glazunova-kandidat-bogosloviya>.

28. Churakov, D. O. Jestetika russkogo dekadansa na rubezhe XIX – XX vv. Rannij Merezhkovskij i drugie [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.portalslovo.ru/history/35131.php?ELEMENT_ID=35131&PAGEN_2=2

29. Jesalnek, A. Ja. Vnutrizhanrovaja tipologija i puti ejo izuchenija. – Moscow: Izd-vo MGU, 1985. –183 s.

30. Jurina, N. G. Tradicii ruskoj apokaliptičeskoj literatury HVIII veka v «Kratkoj povesti ob antihriste» Vl. Solov'eva (Solov'ev i Javorskij) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.aspirans.com/traditsii-russkoi-apokaliptičeskoj-literatury-khviii-veka-v-kratkoj-povesti-ob-antikhriste-vl-solov#].

A SPECIFIC PERSON OR AN ABSTRACT POWER:
MOTIF OF ANTICHRIST IN RUSSIAN CULTURE

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (dr. hab.), Professor, doctor of theology, master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes, the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin (Uzhgorod, Ukraine)

D. Walczak

Master of History, master of Art History, master of Philology, PhD student at the Faculty of History University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Abstract

This article is devoted to the study of the historical evolution of the archetype of antichrist in Russian culture. All the works of literature and art in which this archetype appears are examined in chronological order, and the consecutive dynamics of its development from the Middle Ages

up to the October Revolution is restored. The study is interdisciplinary in nature (history, religious studies, literary criticism, art history, cultural studies), since the authors believe that when considering issues related to archetypes and their evolution, any division into disciplines is artificial and only prevents one from seeing the phenomenon in its entirety. Among the analyzed works are Andrey Kurbsky's "The History of the Prince of Moscow", "Demons" and "The Brothers Karamazov" by Fyodor Dostoevsky, mystical dilogy ("The Magicians" and "The Great Rosicrucian") by Vsevolod Solovev, "A Brief Tale of the Antichrist" by Vladimir Solovev, the trilogy "Christ and Antichrist" by Dmitry Merezhkovsky and the "Father's House" by Evgeny Chirikov, as well as numerous miniatures and icons.

It can be stated that since the topic of antichrist is directly related to eschatological trends, that is, to reflections on the end of the world and the final end of the history of mankind, a special increase in interest in this topic is usually observed at critical moments in history, during periods of revolution and major historical changes, when the collapse of established political, social, economic foundations and ideological attitudes happens. Such moments abound in Russian history, in which such motifs, having acquired an archetypal status, gained particular relevance during the time of Ivan the Terrible, during the period of the reforms by Peter the Great, during the Patriotic War of 1812 and in connection with the October Revolution.

Keywords: antichrist, archetype, eschatology, Ivan the Terrible, Napoleon, Fyodor Dostoevsky, Vladimir Soloviev, Dmitry Merezhkovsky

Поступила в редакцию 19.10.2019